

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

«КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ

УНИВЕРСИТЕТ им. В. П. АСТАФЬЕВА»

(КГПУ им. В.П. Астафьева)

Филологический факультет

Выпускающая кафедра современного русского языка и методики

Шамовская Анастасия Анатольевна

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

Эмотивы в творчестве Ф. М. Достоевского

(с возможностью использования на уроках русского языка и литературы)

Направление подготовки 44.03.05 Педагогическое образование

Направленность (профиль) образовательной программы

Русский язык и литература

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ

Зав.кафедрой к.ф.н., доцент Бебриш Н.Н. 14.05.2019
(дата, подпись)

Руководитель к.ф.н., доцент Замыслова В.Н.
В.Н.

Дата защиты 19.06.2019

Обучающийся А.А. Шамовская
А.А.

Оценка отлично

Красноярск 2019

Содержание

Введение.....	2
Глава 1. Теоретические аспекты изучения эмотивности.....	5
1.1. Эмоции и их репрезентация в лингвистике.....	5
1.2. Эмотив, эмотивность и эмотиология.....	8
1.3. Языковая репрезентация категории эмотивности.....	10
1.4. Эмотивы в структуре речевого портрета персонажа.....	12
Глава 2. Творческая эволюция Ф. М. Достоевского.....	15
2.1. Ранний период творчества (1844 – 1849 гг.).....	16
2.2. Период каторги и сибирский период творчества (1849 – 1859 гг.).....	18
2.3. Поздний период творчества (1860 – 1880 гг.).....	19
Глава 3. Анализ эмотивов в структуре главного героя романов Ф. М. Достоевского.....	23
3.1. Эмотивы в романе «Бедные люди».....	23
3. 2. Эмотивы в романе «Подросток».....	26
Заключение.....	30
Библиографический список.....	33
Приложение.....	37

Введение

Эмотивы играют важную роль в психической жизни любого человека и, соответственно, в жизни любого общества, и потому данная тема неоднократно освещалась в трудах лингвистов и ученых-испытателей. Эмотивность на данном этапе недостаточно изучена, на что указывают работы В.И. Шаховского, Н.А. Красавского, В.Ю. Апресян и др. Это объясняет интерес исследователей к соответствующей лексике и определяет актуальность и содержание данного исследования. Данным вопросом также занимаются С.М. Галкина-Федорук, С.В. Ионова, А.М. Ильинская.

«По И.П. Павлову, слова и психические состояния человека связаны следующим образом: слова - одна из форм высшей нервной деятельности, а эмоции – одно из её представлений» [Иванов, 2018, 413]. Поэтому отражение эмоций человека в слове имеет и психофизиологическое, и социальное обоснование, так как эмоции отражают через слово типизированные психические состояния человека, как компоненты реального мира в его языковой картине.

Актуальность данной работы заключается в том, что вопрос о роли эмотивов в языковом портрете персонажа художественного произведения ещё недостаточно изучен в языкознании и литературоведении.

Объектом нашей работы является эмотивность как языковая категория в художественном пространстве текстов Ф.М. Достоевского.

Предмет – эмотивность и её языковая репрезентация в речевых портретах главных персонажей романов Ф.М. Достоевского «Бедные люди», «Подросток».

Цель – выявить роль эмотивов в структуре речевых портретов персонажей. Поставленная цель предусматривает решение следующих **задач**:

1. Охарактеризовать содержание и соотношение понятий эмотив, эмотивность, эмотиология.

2. Определить особенности эмотивности как языковой категории.
3. Выявить лексические средства репрезентации категории эмотивности.
4. Провести компонентный анализ лексических единиц, обозначающих эмоции.
5. Рассмотреть особенности построение речевого портрета персонажа в связи с употреблением эмотивов в рамках проведённого исследования.
6. Разработать урок русского языка.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что она вносит вклад в развитие теории эмотивности, поскольку полученные результаты представляются полезными для изучения эмоциональных концептов в речевом портрете персонажа художественного произведения.

Методологическая значимость работы состоит в создании разработки урока русского языка с использованием результатов проводимого нами исследования.

Основными **методами** исследования являются метод проблемного анализа научной литературы, метод реферирования, метод компонентного анализа, метод случайной выборки и метод контекстного анализа.

Глава 1. Теоретические аспекты изучения эмотивности

1.1. Эмоции и их репрезентация в лингвистике

Эмоции (лат. *emovere* – возбуждать, волновать) — «валентные реакции на события, агентов или объекты, конкретная природа которых определяется способом восприятия ситуации, вызывающей эмоцию» [Тарасенко, 2007, 38]. Выражаются, прежде всего, в форме непосредственных переживаний удовлетворения или неудовлетворения его актуальных потребностей. Являются одним из главных регуляторов деятельности. Главная особенность человеческих эмоций состоит в том, что «в общественно–исторической практике был выработан особый эмоциональный язык, который может передаваться как некоторое общепринятое описание. На этой основе существует, в частности, эмоциональный отклик на произведения искусства, которые имеют достаточно жесткую привязку к определенной исторической эпохе» [Чурилина, 2006, 26].

Другими словами, эмоции – особый класс субъективных психологических состояний, отражающих в форме непосредственных переживаний, ощущений приятного или неприятного, отношения человека к миру и людям, процесс и результаты его практической деятельности. К классу эмоций относятся настроения, чувства, аффекты, стресс [Ревенко, 2013, 345]. Это так называемые «чистые» эмоции. Они включены во все психические процессы и состояния человека. Любые проявления его активности сопровождаются эмоциональными переживаниями. У человека главная функция эмоций состоит в том, что благодаря эмоциям мы лучше понимаем друг друга, можем, не пользуясь речью, судить о состояниях друг друга и лучше настраиваться на совместную деятельность и общение. Замечательным, например, является тот факт, что «люди, принадлежащие к разным культурам, способны безошибочно воспринимать и оценивать выражения человеческого лица, определять по нему такие эмоциональные состояния, как радость, гнев, печаль, страх, отвращение, удивление. Это, в частности,

относится и к тем народам, которые вообще никогда не находились в контактах друг с другом» [Шаховский, 2008, 31].

«Эмоциональные переживания входят в психоэмоциональную сферу человека и являются важными компонентами его когнитивной деятельности, поведения, общения с внешним миром и другими людьми. Эмоции и чувства – это своеобразная реакция на ситуации и события, которые происходят в нашей повседневной жизни. Эмоциональная сфера человека была предметом глубокого и детального анализа представителями разных наук; в первую очередь, психологов, а также философов, искусствоведов, и, конечно же, лингвистов. В результате многочисленных исследований были установлены механизмы возникновения эмоций и чувств, создана их классификация, в основе которой лежали самые разнообразные критерии, описаны конкретные эмоции и чувства, вербальные и невербальные способы их выражения, выработаны методики изучения эмоциональных отношений (чувств) в различных языках» [Мягкова, 1991, 53].

Эмоции в словах составляют эмотивный компонент, который представляет собой результат отражения эмоций в слове в процессе их вербализации и семантизации. Являясь социально обобщенным, эмотивный компонент служит для индивидуального выражения эмоциональной оценочности объектов мира, его реализация происходит в эмоциональных ситуациях общения через эмоциональный тип речевых актов. Все это позволяет говорить об особом – эмоциональном – типе коммуникации. Эмоции отражают не объективные качества предметов мира, а их значения для деятельности говорящего, и их значение для говорящего в данный момент – "сиюминутные эмоции". Эмоции не только испытываются, но и манифестируются языком, демонстрируются сознательно, имитируются, провоцируются говорящими. С этой целью они концептуализируются, вербализируются и семантизируются языком и в языке, что позволяет и выражать их, и говорить о них. Сопоставляя когницию и эмоции, Фр. Данеш отмечает, что «когниция вызывает эмоции, так как она эмоциогенна, а

эмоции влияют на когницию, так как они вмешиваются во все уровни когнитивных процессов» [Danes, 1987], что при всем их различии они являются двумя главными параметрами способности человеческого ума, опыта с личностными и социальными аспектами. Они тесно взаимосвязаны в структуре личности: когнитивные процессы сопровождаются эмоциями, эмоции когнитивно осмысляются.

Существуют различные классификации эмотивов, в основе которых лежат различные признаки. Например, классификация Е. П. Ильина отражает основные виды эмоций, выделенные с учётом экспрессивного компонента эмоционального реагирования. Автор не ограничивается простым перечислением эмоций, но показывает критерий их систематизации. Так, в его классификации есть эмоции ожидания и прогноза (волнение, тревога, страх, отчаяние), фрустрационные эмоции (разочарование, досада и др.), коммуникативные эмоции (веселье, стыд и др.), интеллектуальные "эмоции" или аффективно-когнитивные комплексы (удивление, интерес, чувство юмора и др.), эмоциональные состояния, возникающие в процессе деятельности (стресс, скука и др.) [Ильин, 2001, 356].

В. И. Шаховский подразделяет лексические средства эмоционального выражения на аффективы (эмотивы, значения которых для данных слов являются единственным способом означивания отраженной эмоции, без ее названия – ласкательные и бранные слова, междометия и т.д.); коннотативы (эмотивы, эмотивная доля значений которых является компонентом – коннотацией, то есть сопутствующим основному логико-предметному значению созначением) и контекстуальные эмотивы (нейтральные языковые единицы, к семантике которых окказионально приращиваются эмотивные семы) [Шаховский, 1990, 46-47].

Классификация А. Вежбицкой [Вежбицкая, 1996, 122] строится по лексическому принципу:

1. Эмоции, связанные с «плохими вещами»;
2. Эмоции, связанные с «хорошими вещами»;

3. Эмоции, связанные с людьми, совершившими плохие поступки, и вызывающими негативную реакцию;

4. Эмоции, связанные с размышлениями о самом себе;

5. Эмоции, связанные с отношением к другим людям.

Мы будем придерживаться данной классификации, так как для нас она наиболее интересна с точки зрения анализа эмотивов по лексическому принципу.

Иными словами, каждый вид эмоции обладает лексическим понятием и имеет в языке свое название, что непосредственно связано с эмотивом и эмотивностью слова.

1.2 Эмотив, эмотивность и эмотиология

«Язык как особого рода инстинкт тесно связан с эмоциями человека, которые тоже являются биологическими инстинктами» [Галкина-Федорук, 1958, 13]. Отсюда и появилось понятие эмотива. «Эмотив – языковая единица, превалирующей функцией которой является выражение эмоций говорящего» [Шаховский, 1987, 32]. Другими словами эмотив – это языковая единица, с эмоциональной долей в семантической структуре в виде семантического признака, семы, семного конкретизатора значения, благодаря чему эта единица адекватно используется всеми носителями языка для выражения эмоционального отношения или состояния говорящего, в том числе и в художественном произведении.

Под категорией эмотивности мы понимаем «имманентно присущее языку семантическое свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики, отражённые в семантике языковых единиц социальные и индивидуальные эмоции» [Там же: 24]. Как отмечает в своей работе И. В. Ревенко, «эмотивность, являясь функционально-семантической категорией, приобретает категориальный статус на различных уровнях языковой системы – лексическом, фонологическом, на уровне предложения и текста» [Ревенко,

2016, 181]. Категория эмотивности с точки зрения лексики представляет собой «совокупность лексических единиц, связанных общим значением или общими семами» [Ревенко, 2013, 202]. В.И. Шаховский полагает, что «поскольку эмотивность речи выражает психическое состояние говорящего, обуславливающее его эмоциональное отношение к предмету и ситуации общения, у эмоциональности имеется и психолингвистический аспект» [Шаховский, 1987, 125]. Автор относит эмотивность к функционально-семантическим категориям и определяет ее признаки на основании учения А.В. Бондарко о функциональной грамматике и функционально-семантическом поле. Доказывая правомерность такой трактовки, В. И. Шаховский отмечает, что эмотивность является функционально-семантической категорией, поскольку обладает всеми ее признаками, такими как общность семантической функции – выражение эмоций; взаимодействие лексических и грамматических элементов [Там же].

Эмоция, как было сказано выше, психологическая категория, а эмотивность – языковая, поскольку эмоции могут и вызываться, и передаваться (выражаться, проявляться) в языке и языком. Не вызывает сомнений, что число антропоцентрических значений в языке гораздо больше, чем обыкновенно думают. Эмотивное значение является, несомненно, наиболее антропоцентрическим значением, активно изучаемым в последние двадцать лет прошлого столетия новой отраслью языкознания – эмотиологией. «Эмотиология – наука, изучающая, каким образом эмоции отражаются в языке. В ней принято разделение языковых единиц, объективирующих эмоции, посредством их обозначения или названия, различных видов дескрипции и выражения в речи. Объектом эмотиологии является языковая категоризация эмоций и полистатусная презентация когнитивно-дискурсивной категории эмотивности» [Карпова, 2001, 40].

Определение понятию лексико-семантического эмотивного поля даёт В. И. Шаховский: «Это корпус лексических средств языка, имеющих в своей семантике эмотивную долю в статусе значения или коннотации и

обладающих всеми признаками поля (полеобразующее ядро, периферия); формируется по главному функциональному признаку – способности к выражению эмоций и семантическому признаку – эмотивности» [Шаховский, 1987, 25].

1.3 Языковая репрезентация категории эмотивности

Как отмечает В. И. Шаховский, существует три типа вербализации эмоциональных переживаний человека: их трансляция (обозначение), выражение и описание [Шаховский, 1987; Красавский, 1992]. Во всех языках эмотивность представлена на всех уровнях языковой системы и речи, имеет свои специфические средства и способы выражения: на фонетическом уровне – фонологические изменения звуков (например, изменение длительности, аспирация и др.), акцентные и интонационные средства (Н. И. Жинкин, Л. Г. Златоустова, И. Г. Торсуева и др.); на морфологическом уровне – словосложение и широкий диапазон ласкательных, уничижительных и др. аффиксов (И. В. Арнольд, Э. А. Вайгла, Е. М. Галкина-Федорук, Н. М. Кожина, Д. Н. Шмелев и др.); на лексическом уровне – средства номинации эмоций, междометия, междометные слова и выражения, эмоционально-усилительные наречия, усилительные частицы, модальные слова, восклицательные местоимения, местоименные слова, слова-интенсификаторы, метафоры и др. (И. В. Арнольд, Э. А. Вайгла, Д. Н. Шмелев, Р. С. Сакиева и др.); на фразеологическом уровне; на синтаксическом уровне – специальные синтаксические модели, изменение обычного порядка слов, использование эллиптических конструкций, инверсии, повторов и т.д. (Г. А. Золотова, М. В. Всеволодова, Е. С. Скобликова, С. Н. Цейтлин и др.) [Шевченко, 2006, 73]. Как правило, разноуровневые средства концептуализации эмоций выступают в речи в комплексе. Наиболее коммуникативными Н. А. Красавский [Красавский, 1992, 107] называет лексический и фразеологический уровни языка.

«На основании исследования способов выражения эмотивного значения можно выделить систему разноуровневых эксплицитных и имплицитных языковых средств. К эксплицитным эмотивным средствам, в которых эмотивное значение представлено явно и эмоциональность которых очевидна без какого-либо контекста, относятся эмотивы-номинанты, обозначающие, называющие определенные эмоции и переживания, сема эмотивности в которых входит в предметно-логическое значение слова, – существительные, глаголы, причастия, прилагательные, наречия и т.д.; бранные, ласкательные слова, в собственно лексическом значении которых заключена определенная оценка обозначаемых ими предметов и явлений, которые непосредственно выражают эмоции и не имеют иного значения, кроме эмотивного, лексика обзывания, усилительно-ограничительные и модальные частицы» [Карпова, 2001, 74].

Эксплицитно эмотивность может выражаться также с помощью морфологических средств, т.е. посредством словообразовательных префиксов, суффиксов с ласкательным, уничижительным, фамильярным и т.д. значением.

Многие исследователи [Шаховский, 1987; Арнольд, 1959 и др.] исключают из эмотивной лексики слова, обозначающие эмоции. Однако, хотя данные слова имеют меньший «коммуникативно-эмоциональный эффект» [Шаховский, 1987, 94; Шаховский, 1998, 62], эмотивность в них все же представлена.

К имплицитным лексическим средствам выражения эмотивности, эмоциональность которых определяется контекстом, относятся эмотивы-коннотативы, метафоры, перифразы, ирония, свободные словосочетания, фразеологические единства, ряд средств синтаксиса, а именно: изменение порядка слов, включение в предложение бессоюзия, инверсии, повторов, синтаксически не связанных элементов, появление эллиптических конструкций, снятие синтаксической сложности предложения, частое

появление восклицательных, вопросительных предложений и др. [Мягкова, 1990; Буренина, 1991; Красавский, 1992 и др.].

В зависимости от степени частотности и интенсивности отраженных эмоциями эмоций и их знака (положительные и отрицательные) их можно объединить в микрополя. В нашем исследовании рассматриваются эксплицитные и имплицитные эмотивы, образующие эмотивное поле речевого портрета персонажа художественного произведения.

1.4. Эмотивы в структуре речевого портрета персонажа

Несмотря на то, что персонаж художественного текста является виртуальной личностью, он переживает эмоции, свойственные каждому человеку, т.е. реальной личности. Анализ речевого портрета позволяет выявить круг эмоций, испытываемых персонажем, что и является предметом нашего исследования.

В языкознании сформировалось особое направление, изучающее языковую личность с точки зрения описания ее речевого портрета. По мнению С. В. Леорды, «речевой портрет – это воплощенная в речи языковая личность» [Леорда, 2006, 87]. Е. В. Осетрова отмечает большую роль речевого портрета как составляющей облика говорящего в формировании целостного образа личности [Осетрова, 2014].

Изучение понятия «речевой портрет» исторически начинается с фонетического портрета, важные приемы описания которого разрабатываются в середине 60-х годов XX века М.В. Пановым. Анализируя произношение отдельных личностей, М.В. Панов дает характеристику литературной нормы в диахроническом аспекте и создает ряд фонетических портретов политических деятелей, писателей, ученых [Панов, 2004].

Т.П. Тарасенко определяет понятие речевого портрета как «совокупность языковых и речевых характеристик коммуникативной личности или определённого социума в отдельно взятый период существования»

[Тарасенко, 2007, 305]. Исследователь выделяет ряд характеристик личности, отражающихся в речевом портрете: возрастные, гендерные, психологические, социальные, этнокультурные и лингвистические. Преимущественно психологические особенности персонажа помогает выявить анализ эмотивов в структуре речевого портрета.

Г. Г. Матвеева понимает под речевым портретом «набор речевых предпочтений говорящего в конкретных обстоятельствах для актуализации определенных намерений и стратегий воздействия на слушающего» [Матвеева, 1993, 20]. Исследователь отмечает, что с помощью речевого портрета фиксируется речевое поведение, которое «автоматизируется в случае типичной повторяющейся ситуации общения» [Там же, 48].

Создание речевого портрета возможно по отношению к любой сфере общения. Объектом изучения может стать и персонаж художественного произведения. В литературе речевой портрет является средством создания художественного образа, в котором одну из важнейших ролей играет эмоциональная составляющая. Речевую структуру художественного образа рассматривают Л. К. Чурилина, Е. А. Гончарова, Е. А. Иванова, Ю. Н. Курганов, М. В. Пьянова, А. К. Жунисбаева.

Анализ речевого портрета представляет собой характеристику разных уровней реализации языковой личности. При этом возможно описание не всех слоев языка, так как «языковые парадигмы, начиная от фонетической и кончая словообразовательной, оказываются вполне соответствующими общенормативным параметрам» [Николаева, 1991, 69]. Исследователи говорят о необходимости «фиксировать яркие диагностирующие пятна» [Там же]. В рамках данного исследования основное внимание уделяется анализу эмотивных единиц лексики.

М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова называют речевой портрет «функциональной моделью языковой личности» [Китайгородская, 1995, 15] и выделяют параметры, по которым производится анализ этой модели. Одним из этих параметров является лексикон языковой личности – уровень, который

отражает владение лексико-грамматическим фондом языка. На этом уровне анализируется запас слов и словосочетаний, которым пользуется конкретная языковая личность. Следующей ступенью исследователи называют тезаурус, репрезентирующий языковую картину мира. При описании речевого портрета делается акцент на использовании разговорных формул, речевых оборотов, особой лексики, которые делают личность узнаваемой. Третий уровень – прагматикон, включающий в себя систему мотивов, целей, коммуникативных ролей, которых придерживается личность в процессе коммуникации. Все три уровня данной модели соответствуют уровням языковой личности в модели Ю. Н. Караулова: вербально-семантическому, когнитивному и прагматическому [Караулов, 2007].

Специфические фонетические и лексические единицы легко зафиксировать в речи носителей нелитературных форм языка. Существование единой нормы в литературном языке снижает, но не исключает вероятность появления специфических языковых единиц в речи его носителей.

Л. Н. Чурилина выявляет соотношение понятий «ментальный лексикон», «внутренний лексикон» и «индивидуальный лексикон» и представляет словарь персонажа – «список слов, в совокупности составляющих его дискурс» [Чурилина, 2006, 153]. Индивидуальный лексикон в ее работе описывается как «система, обслуживающая коммуникативные потребности отдельной личности» [Там же, 126], с помощью которой возможна реконструкция «фрагментов индивидуального образа мира» [Там же, 126].

Речь персонажа с позиции лексики и синтаксиса рассматривает Е. А. Гончарова: «<...> лексический состав фразы дает представление об образно-понятийной сфере персонажа, а ее синтаксическая организация отражает особенности логико-экспрессивного сцепления образов и понятий в процессе их познания» [Гончарова, 2012, 58]. Особое внимание уделяется явлениям повтора и многозначности. По Е. А. Гончаровой, представление об особенностях речевой структуры персонажа дают не только повторы

лексического уровня – любимая лексика, лексика социально и территориально окрашенная, – но и тяготение к однотипным синтаксическим конструкциям.

Глава 2. Творческая эволюция Ф. М. Достоевского

Ф.М. Достоевский занимает уникальное место в мировой культуре как писатель-философ, в творчестве которого раскрывались фундаментальные проблемы и основополагающие противоречия человеческого бытия. Ещё в 1846 году В. Г. Белинский, хотя и не оценивший в полной мере глубокое новаторство «Двойника», пророчески писал, что Достоевскому суждено сыграть в отечественной словесности уникальную роль. С течением времени эта роль постоянно возрастала, и многие выдающиеся писатели XX века в России и на Западе с большим или меньшим основанием причисляли себя к его ученикам. Достоевский оказал значительное влияние на становление и проблематику русского религиозно-философского ренессанса, и почти все крупнейшие русские мыслители считали своим долгом заниматься исследованием творчества писателя. Популярные европейские и англо-американские философские и эстетические течения стремились представить Достоевского как своего предтечу или единомышленника, несмотря на то, что его творчество на самом деле шире и глубже их мировоззренческих установок и идейных предпосылок. Он обладал непревзойденной способностью через изображение конкретных единичных событий обыденной жизни осмыслить в своих романах весь сложный комплекс идеологических, социальных и нравственных вопросов текущего времени и одновременно увидеть в них вечное содержание, сфокусировать прошлое, настоящее и будущее человечества. Еще одну сторону художественных открытий писателя подчеркнул М. М. Бахтин: «Достоевский сделал дух, то есть последнюю смысловую позицию личности, предметом эстетического

созерцания... Он продвинул эстетическое видение вглубь, в новые глубинные пласты, но не в глубь бессознательного, а в глубь – высоту сознания» [Бахтин, 1979, 147]. Именно сосредоточенность на «последней смысловой позиции» личности и «глубинных пластах» сознания превращает Достоевского в своеобразного стратегического мыслителя, рассматривавшего основополагающие проекты развития мира «с Богом» и «без Бога», в сопряжении главных признаков величия и ничтожества в драматической мистерии человеческого существования. Причем сама методология его мышления, тесно связанная с проникающим и конкретным исследованием основных начал человеческой природы и их неоднозначным преломлением в тех или иных тенденциях, явлениях, поступках, общественном новаторстве помогает ему и сегодня служить своеобразным «пробным камнем» для проверки модных рассудочных утопий и односторонних идеологий. Способность раскрыть подлинную иерархию действительно главных и второстепенных для личности проблем и разглядеть сокровенную связь тайных движений души и корневых побуждений воли человека с результатами его внешней деятельности, умение распознать иллюзии относительности ценностей и социальных условностей, миражи всевозможных репутаций и лукавой пропаганды, границы и тупики сциентизма, тонкий яд рационализма и нигилизм здравого смысла позволяют писателю и впредь оставаться авторитетнейшим участником в диалоге идей современного мира.

2. 1. Ранний период творчества (1844 – 1849гг.)

Еще в шестнадцатилетнем возрасте Достоевский пытался сочинять «роман из венецианской жизни», а в инженерном училище занимался драматическими опытами «Мария Стюарт», «Борис Годунов» и пьесой «Жид Янкель» (рукописи не сохранились). В 1844 г. он перевел повесть Бальзака «Евгения Гранде», этот перевод стал его первой литературной публикацией.

В мае 1845 г. Достоевский закончил первый роман «Бедные люди». После многочисленных переработок завершённая рукопись прочитывается Д. В. Григоровичем и Н. А. Некрасовым, а затем попадает к В. Г. Белинскому. Последний как бы подытожил всеобщие восторженные впечатления: «Вам правда открыта и возведена как художнику, досталась как дар, цените же ваш дар и оставайтесь верным и будете великим писателем!..» [Гроссман, 1963, 98]. Правда, о которой говорит критик, воспринималась группировавшимися вокруг него литераторами в духе «натуральной школы» 40-х годов и гоголевской традиции в сочувственном изображении бедного чиновника, «маленького» человека, низших слоёв общества «на чердаках и в подвалах», на фоне «физиологической» повседневности столичного города. Позднее А. И. Герцен отнесет «Бедных людей» к числу произведений русской литературы 40-х годов, проникнутых социалистическими тенденциями и одушевлением, а Н.А. Добролюбов – к сочинениям, написанным под влиянием наиболее жизненных идей Белинского. Однако от большинства критиков ускользнул произведенный автором романа «коперниковский переворот», когда предметом изображения становится «не действительность героя, а его самосознание, как действительность второго порядка» [Бахтин, 1972, 82], а также не были замечены скрытые противоречия угнетённых обитателей «петербургских углов», когда их социальная неполноценность восполняется своеобразно выраженными претензиями. Оставленные без внимания художественно-психологические особенности «Бедных людей» являлись на самом деле зерном собственно достоевской оригинальности, давшим свои всходы в повести «Двойник», где «амбиции» глубоко озабоченного своим местом в социальной иерархии человека – «ветошки» приводят его к потере личности и бездушию. Намеченная в «Двойнике» тема душевного «подполья» получит в последующем углублённую метафизическую и художественную интерпретацию не только в «Записках из подполья», но и во всех крупных романах писателя, а раздвоенные герои, борющиеся за подлинность и

целостность собственной личности (Ставрогин, Версиков, Иван Карамазов), займут в них заметное место. Однако творческие поиски автора новаторской повести, страстно вглядывавшегося, говоря словами В. Н. Майкова, «в сокровенную машинацию человеческих чувств, мыслей и дел» [Майков, 1847, 4], не были поняты и приняты многими литераторами, ограниченными определенными стереотипами и традициями. Отсюда усиливались принципиальные расхождения Достоевского с Белинским, который советовал сократить «Двойника» на целую треть и подверг резкой критике произведение за фантастический колорит. Непонимание возрастало со стороны ведущего критика 40-х годов, который и в следующем рассказе писателя «Господин Прохарчин» («бедный богач», скупец от страха стремится завоевать свою ступень в несправедливом иерархическом порядке накоплением денег и тем самым расчеловечивает себя, оказывается в пустоте небытия) увидел лишь умничание, вульгарность и манерность. И другие произведения Достоевского 1847-1849 гг. («Хозяйка», «Слабое сердце», «Белые ночи», «Неточка Незванова») затрагивают «странные» для складывавшихся эстетических тенденций темы петербургского «мечтательства», тайного властолюбия и т.п., которые читателями и критиками воспринимаются скорее в социально-психологическом, нежели в духовно-метафизическом плане.

2.2. Период каторги и сибирский период творчества (1849 – 1859гг.)

Ввиду «дела о петрашевцах» 23 апреля 1849 года Ф.М. Достоевского приговаривают к каторге. Наказание писатель отбывал в Омской крепости, среди уголовных преступников. Пережитые душевные потрясения, тоска и одиночество, «суд над собой», «строгий пересмотр прежней жизни», сложная гамма чувств от отчаяния до веры в скорое осуществление высокого призвания, — весь этот душевный опыт острожных лет стал биографической основой «Записок из Мертвого дома» (1860-1862), трагической

исповедальной книги, поразившей уже современников мужеством и силой духа писателя. Отдельной темой «Записок» оказался глубокий сословный разрыв дворянина с простонародьем. Сразу после освобождения Достоевский писал брату о вынесенных из Сибири «народных типах» и знании «черного, горемычного быта» — опыте, которого «на целые томы достанет». В «Записках» отражен наметившийся на каторге переворот в сознании писателя, который он характеризовал позднее как «возврат к народному корню, к узнанию русской души, к признанию духа народного». Достоевскому ясно представилась утопичность революционных идей, с которыми он в дальнейшем остро полемизировал.

Сибирское творчество. С января 1854 Достоевский служил рядовым в Семипалатинске, в 1855 произведен в унтер-офицеры, в 1856 в прапорщики. В следующем году ему было возвращено дворянство и право печататься. В Сибири Достоевский написал повести «Дядюшкин сон» и «Село Степанчиково и его обитатели» (обе напечатаны в 1859). Центральный герой последней, Фома Фомич Опискин, ничтожный приживальщик с притязаниями тирана, лицедей, ханжа, маниакальный себялюбец и утонченный садист, как психологический тип стал важным открытием, предвещавшим многих героев зрелого творчества. В повестях намечены и основные черты знаменитых романов-трагедий Достоевского: театрализация действия, скандальное и, одновременно, трагическое развитие событий, усложненный психологический рисунок.

2.3. Поздний период творчества (1860 – 1880гг.)

Начало 1860-х – время формирования Достоевского как православного мыслителя, «почвенника», вынашивающего идею русской самобытности и всечеловечности. Именно 1860-1864 гг. писатель назовет временем «перерождения убеждений».

Статьи Достоевского этого периода, в особенности «Зимние заметки о летних впечатлениях» (1863), написанные по следам первой заграничной поездки 1862 (Германия, Франция, Швейцария, Италия, Англия), представляют собой критику западноевропейских институтов и страстно выраженную веру в особое призвание России, в возможность преобразования русского общества на братских христианских основаниях: «русская идея... будет синтезом всех тех идей, которые... развивает Европа в отдельных своих национальностях» [Достоевский, 1989, 633].

В 1863 Достоевский совершил вторую поездку за границу, где познакомился с А. П. Суловой (страстным увлечением писателя в 1860-е гг.); их сложные отношения, а также азартная игра в рулетку в Баден-Бадене дали материал для романа «Игрок» (1866). В 1864 умерла жена Достоевского и, хотя они не были счастливы в браке, он тяжело пережил потерю. Вслед за ней внезапно скончался брат Михаил. Достоевский взял на себя все долги по изданию журнала «Эпоха», однако вскоре прекратил его из-за падения подписки и заключил невыгодный договор на издание своего собрания сочинений, обязавшись к определенному сроку написать новый роман. Он еще раз побывал за границей лето 1866 провел в Москве и на подмосковной даче, все это время работая над романом «Преступление и наказание», предназначенным для журнала «Русский вестник» М. Н. Каткова (в дальнейшем все наиболее значительные его романы печатались в этом журнале). Параллельно Достоевскому пришлось работать над вторым романом («Игрок»), который он диктовал стенографистке А. Г. Сниткиной, которая не просто помогала писателю, но и психологически поддерживала его в сложной ситуации. После окончания романа (зима 1867) Достоевский на ней женился и, по воспоминаниям Н. Н. Страхова, «новая женитьба скоро доставила ему в полной мере то семейное счастье, которого он так желал».

Круг основных идей романа «Преступление и наказание» (1866) писатель вынашивал долгое время, возможно, в самом туманном виде, — еще с каторги. Работа над ним шла с увлечением и душевным подъемом, несмотря

на материальную нужду. Генетически связанный с неосуществленным замыслом «Пьяненькие», новый роман Достоевского подводил итог творчеству 1840-50-х гг., продолжая центральные темы тех лет. Социальные мотивы получили в нем углубленное философское звучание, неотделимое от нравственной драмы Раскольникова, «убийцы-теоретика», современного Наполеона, который, по словам писателя, «кончает тем, что принужден сам на себя донести... чтобы хотя погибнуть в каторге, но примкнуть опять к людям...». Крах индивидуалистической идеи Раскольникова, его попытки стать «властелином судьбы», подняться над «тварью дрожащею» и одновременно осчастливить человечество, спасти обездоленных — философский ответ Достоевского на революционные настроения 1860-х гг.

В 1867-68 гг. написан роман «Идиот», задачу которого Достоевский видел в «изображении положительно прекрасного человека». Идеальный герой князь Мышкин, «Князь-Христос», «пастырь добрый», олицетворяющий собой прощение и милосердие, с его теорией «практического христианства», не выдерживает столкновения с ненавистью, злобой, грехом и погружается в безумие. Его гибель — приговор миру. Однако, по замечанию Достоевского, «где только он ни прикоснулся — везде он оставил неисследимую черту».

Следующий роман «Бесы» (1871-72) создан под впечатлением от террористической деятельности С. Г. Нечаева и организованного им тайного общества «Народная расправа», но идеологическое пространство романа много шире: Достоевский осмыслял и декабристов, и П. Я. Чаадаева, и либеральное движение 1840-х гг., и шестидесятничество, интерпретируя революционное «бесовство» в философско-психологическом ключе и вступая с ним в спор самой художественной тканью романа — развитием сюжета как череды катастроф, трагическим движением судеб героев, апокалипсическим отсветом, «брошенным» на события. Современники прочитали «Бесов» как рядовой антинигилистический роман, пройдя мимо его пророческой глубины и трагедийного смысла. В 1875 напечатан роман «Подросток», написанный в форме исповеди юноши, сознание

которого формируется в «безобразном» мире, в обстановке «всеобщего разложения» и «случайного семейства».

Тема распада семейных связей нашла продолжение в итоговом романе Достоевского – «Братья Карамазовы» (1879-1880), задуманном как изображение «нашей интеллигентской России» и вместе с тем как роман-житие главного героя Алеши Карамазова. Проблема «отцов и детей» («детская» тема получила обостренно-трагедийное и вместе с тем оптимистическое звучание в романе, особенно в книге «Мальчики»), а также конфликт бунтарского безбожия и веры, проходящей через «горнило сомнений», достигли здесь апогея и предопределили центральную антитезу романа: противопоставление гармонии всеобщего братства, основанного на взаимной любви (старец Зосима, Алеша, мальчики), мучительному безверию, сомнениям в Боге и «мире божьем» (эти мотивы достигают кульминации в «поэме» Ивана Карамазова о Великом инквизиторе). Романы зрелого Достоевского — это целое мироздание, пронизанное катастрофическим мироощущением его творца. Обитатели этого мира, люди расколотого сознания, теоретики, «придавленные» идеей и оторванные от «почвы», при всей их неотделимости от российского пространства, с течением времени, в особенности в 20 веке, стали восприниматься как символы кризисного состояния мировой цивилизации.

Глава 3. Анализ эмотивов в структуре главного героя романов Ф. М. Достоевского

3.1. Эмотивы в романе «Бедные люди»

Для начала следует выделить особенности эмотивности в целом, а затем разделить эмотивы на более мелкие анализируемые пункты. Л. М. Васильев выводит типологию значимости лексических единиц следующим образом:

1) парадигматические; 2) синтагматические; 3) частеречные; 4) деривационные; 5) темпоральные; 6) стилевые и узуальные; 7) диалектные и территориальные значимости [Васильев, 1994]. В рамках данной работы мы рассмотрим частеречные, темпоральные, стилевые и узуальные значимости.

Мы ограничились категориальными (частеречными) семами, а именно – семами процессуальности, субстантивности и адъективности.

В ходе анализа романа «Бедные люди» мы выявили следующие эмотивы, составляющие микрополе положительных эмоций (+): *счастье, приязнь, радость, удовольствие.*

«Вчера я был **счастлив**, чрезмерно **счастлив**, донельзя **счастлив!**» [Достоевский, 1981, 19].

«Отеческая **приязнь** одушевляла меня, единственно отеческая **приязнь**, Варвара Алексеевна» [Там же, 45].

Определяющими для микрополя негативных эмоций являются следующие эмотивы: (-): *треволнения, грусть, беспокойство, стыд, ссора, досада, глупость, обида, тоска, жалость, горе, уныние, несчастья.*

«А уж как я **беспокоился** о наших письмах!» [Там же, 21].

«... и мы, люди, живущие в заботе и **треволнении**, должны тоже завидовать счастью небесных птиц» [Там же, 54].

«Так остерегаться нужно, самой о себе стараться, опасностей избегать и друзей своих в **горе** и в **уныние** не вводить» [Там же, 83].

Необходимо принципиально различать спонтанное языковое выражение эмоций и осознанное выражение. В романе Ф. М. Достоевского «Подросток» мы выявили специальные лексические единицы, принадлежащие к разным частям речи, передающие описательно эмоциональное состояние характеризуемого персонажа.

1. Существительные: *горе, тоска, дрянь, ненависть, стыд, грусть и др.*

«Там всё такое **горе**, что сердце пополам рвётся!» [Достоевский, 2017, 18].

«Сегодня и **тоска**, и скучно, и грустно» [Там же, 127].

«Да ровно ничего не следует, а выходит такая **дрянь**, что убереги меня, господи!» [Там же, 46].

«Может быть, выражением **доброты**, но со складкой» [Там же, 42].

2. Глаголы, описывающие эмоции говорящего: *завидовать, грустите, поразвеселить, доволен, пугаете, браниться, плачет, роптать, сердиться, досадовать и др.*

«Пишу, что на ум взбрѣдет, так, чтобы вас только **поразвеселить** чем-нибудь» [Там же, 27].

«Даже что дурно было, на что подчас и **досадовал**...» [Там же, 102].

«... и мы, люди, живущие в заботе и тревожении, должны тоже **завидовать** беззаботному и невинному счастью небесных птиц» [Там же, 5].

«Ах, Варенька, Варенька! – вы не **грустите**; слезами горю помочь нельзя» [Там же, 18].

3. Наречия, описывающие эмоции: *любо-весело, скучно, грустно, тяжело, зазорно и др.*

«Встал я сегодня таким ясным соколом – **любо-весело!**» [Там же, 44].

«Сегодня и тоска, и **скучно**, и **грустно!**» [Там же, 307].

«Странное дело – **тяжело**, а воспоминания как будто приятные» [Там же, 317].

«... а иногда такое делается, что **зazorно** рассказывать» [Там же, 20].

4. Прилагательные: *веселы, грустный, приятные, жалкий и др.*

«Сижу ли за работой, ложусь ли спать, просыпаюсь ли, и уж знаю, что и вы там обо мне думаете, меня помните, да и сами-то здоровы и **веселы**» [Там же, 6].

«Вот и старушку-то мою с **грустным** чувством припоминаю теперь!» [Там же, 28].

«Странное дело – тяжело, а воспоминания как будто **приятные**» [Там же, 54].

«**Жалкий**, хилый такой, коленки у него дрожат» [Там же, 99].

В качестве дополнительных маркеров отрицательных эмоций используются бранные слова *дурак дураком, ведьма*. Особенностью первого маркера можно считать то, что он употреблён Макаром Девошкиными к самому себе: «Я весне-то обрадовался, **дурак дураком**, да в холодной шинели пошёл» [Там же, 76]. Это может быть признаком того, что герой склонен к самоуничижению, особенно в глазах других, что мы нередко видим из писем к Варваре Алексеевне.

Наряду с субстантивными и глагольными эмотивами в тексте мы встречаем своеобразные просторечные устойчивые выражения, также

отражающее эмоциональное и психологическое состояние героя в тот или иной момент: «*сердце запрыгало*», «*на душе весело*», «*сердце надорвалось*», «*всё сердце изныло*», «*тоску нагоняют*», «*сердце пополам рвётся*».

«... а вот воспоминания-то обо всём моём прежнем на меня **тоску нагоняют...**» [Там же, 106].

«... вдруг, невзначай, подымаю глаза, – право, у меня **сердце** вот так и **запрыгало**» [Там же, 248].

«**На душе** ни с того ни с сего **весело!**» [Там же, 26].

Ввиду вышеизложенных примеров мы можем утверждать, что Мака́р Алексе́евич Девушки́н – человек беззлобный, который видит радости своей бедной жизни даже в незначительных мелочах, что входит в круг черт, характерных для типа «маленького человека». Однако он осознаёт несправедливости жизни, видит несчастья других людей, что мы можем выявить из анализа отрицательных эмотивов, используемых для создания речевого портрета Девушкина. Кроме того, сквозь речь персонажа отчётливо видно его низкое социальное положение, например, в употреблении просторечных слов и конструкций («*поразвеселить*», «*всё на тонкой ноге*»), часто встречающихся инверсивных конструкциях и междометиях.

3.2. Эмотивы в романе «Подросток»

При анализе категории эмотивности романа «Подросток» мы выявили следующие группы эмотивов:

а) Эмотивы с отрицательным оттенком:

стыд, досада, грусть, нелюбовь, омерзение, жалость, ненависть, презрение и др.

Например, «Надо быть слишком подло влюблённым в себя, чтобы писать без **стыда** о самом себе» [Достоевский, 2017, 3].

«С **досадой**, однако, предчувствую, что, кажется, нельзя обойтись совершенно без описания чувств и без размышлений» [Там же, 3].

«... так как я, по **нелюбви** моей к разговорам на эту тему, не мог быть хорошим собеседником» [Там же, 30].

б) Эмотивы с положительным оттенком: *счастье, восхищение, радость, любовь и др.*

Например: «... даже и в том случае, если б они мне все там понравились, и дали мне **счастье**» [Там же, 18]; «Как нарочно, было прелестное утро, солнце, прохожие, шум, движение, **радость**, толпа» [Там же, 145]; «Я вышел в каком-то **восхищении**» [Там же, 138].

Проанализировав соотношение эмотивов, мы пришли к выводу о том, что в речевом портрете данного персонажа с большей частотностью возникают эмотивы с отрицательной коннотацией. Это объясняется тем, что подобные единицы порождаются наиболее яркими и запоминающимися признаками, в основе которых чаще всего лежат негативные впечатления.

В романе Ф. М. Достоевского «Подросток» мы выявили специальные лексические единицы, принадлежащие к разным частям речи, передающие описательно эмоциональное состояние характеризуемого персонажа.

1. Существительные: *жертва, враг, низость, мерзость, грусть, доброта и др.*

«... эта двойственность, говорю я, и была, кажется, одною из главнейших причин многих моих неосторожностей, наделанных в году, многих **мерзостей**, многих даже **низостей** и, уж разумеется, **глупостей**» [Достоевский, 2017, 18].

«... но как же объяснить тогдашнюю **грусть** мою?» [Там же, 127].

«Мне кажется, **жертву** любят. Я же вот люблю моего **врага**» [Там же, 46].

«Может быть, выражением **доброты**, но со складкой» [Там же, 42].

2. Глаголы, описывающие эмоции говорящего: *любить, ненавидеть, вылиться, обидеть, трусить, бояться и др.*

«... редко кто мог **вылиться** на свою фамилию, как я» [Там же, 5].

«Я не знаю, **ненавидел** или **любил** я его, но он наполнял с собою всё моё будущее» [Там же, 18].

«Мне представилось, что я, похвалами его бонмо, **подлещаюсь** к нему перед деньгами» [Там же, 226].

«Признаюсь, сначала, с первых разов, я был несколько **обижен**» [Там же, 39].

«Я **трусил** от того, что ещё в Москве их **боялся**» [Там же, 59].

3. Наречия, описывающие эмоции: *пошло, унижительно, бестрепетно, грустно, стыдно, жалко, нервно, злобно и др.*

«Но объяснить, кого я встретил, заранее, когда никто ничего не знает, будет **пошло**» [Там же, 44].

«Объясняться ещё раз и оправдываться было бы для меня **унижительно**» [Там же, 307].

«Я **бестрепетно** стал за идею, ибо был математический убеждён» [Там же, 317].

«Мне тотчас же стало **грустно, жалко, стыдно**» [Там же, 20].

«Я выпалил всё это **нервно и злобно**, порвав все веревки» [Там же, 62].

4. Прилагательные: *глупо-равнодушный, малодушен, неловок, незлобливое, бесстыжее и др.*

«Услыхав, что я просто Долгорукий, спрашивавший обыкновенно обмеривал меня тупым и **глупо-равнодушным** взглядом» [Там же, 6].

«Твердым я оставаться не мог: было ужасно досадно, что с первого же шагу я так **малодушен и неловок**» [Там же, 28].

«... но что-то как бы уж слишком **незлобливое** и деликатное» [Там же, 54].

«Конечно, тут вовсе не одно только **бесстыжее** любопытство с моей стороны» [Там же, 99]

Можно говорить о том, что стилевая значимость данных эмотивов превалирует, что объясняется их высокой коммуникативной значимостью.

Кроме того, можно выделить группу эмотивов-номинативов, которые называют эмоциональную реакцию на что-либо. Это по преимуществу глагольные эмотивы:

«Этого я **трепетал**» (в значении «боялся») [Там же, 20];

«Он **брюзжал** ужасно, особенно за обедом» [Там же, 103];
«... с тех пор продолжали **ссориться** каждый день» [Там же, 24];
«Признаюсь, я сам было **заплакал** чёрт знает с чего» [Там же, 28];
«Я хоть не заливался хохотом, но **хохотал** внутри» [Там же, 51];
«... но мало-помалу началось **хихикание**» [Там же, 38];
«Мысль о давешней встрече с этой женщиной **залила** вдруг тогда **краской стыда** моё лицо» [Там же, 88].

Таким образом эмотивы могут нести в себе разные функции, но главной остаётся отражение эмоций и эмоциональной реакции героя на описываемую ситуацию.

Исходя из того, что в эмотивном поле данного персонажа преобладают эмотивы с отрицательной коннотацией, можно судить о том, что он меланхолик со скептическим взглядом на жизнь. Так же мы можем судить о склонности героя к интраверсии, так как ввиду общения даже с близкими людьми Аркадий Долгорукий испытывает дискомфорт и отрицательные эмоции, которые представлены эмотивами «глупость», «небрежение», «обида» и «стыд». Кроме того, данный персонаж склонен к самоанализу, подвергая трезвому и объективному взгляду собственное поведение и мысли. Те же эмотивы, которым присуща положительная коннотация, говорят о том, что главный герой романа Ф. М. Достоевского «Подросток» имеет высокие идеалы, о чём могут судить слова «чистота», «честность», «доброта» и «счастье».

Заключение

В настоящем исследовании были рассмотрены лексические средства репрезентации эмоционального состояния в речевом портрете персонажей романов Ф. М. Достоевского разного периода творчества «Бедные люди» и «Подросток».

Целью данной работы было выявление роли эмотивов в структуре речевого портрета персонажа.

Первый этап работы включал изучение литературы по данной тематике. Были рассмотрены понятия эмотива, эмотивности, эмотиологии и компонентного анализа.

Компонентный анализ был признан в данной работе одним из наиболее универсальных способов лингвистического исследования.

Были выявлены следующие особенности эмотивности:

1. Эмотивность является стилевой чертой художественных текстов. По своему назначению все художественные тексты принадлежат к эмотивному типу текстов, что обусловлено местом эмотива в тематической структуре и эмотивных задач в комплексе прагматических задач текста;

2. Эмотивность – языковая категория, поскольку эмоции могут передаваться (выражаться, проявляться) в языке и языком;

3. Эмотивность речи выражает психическое состояние говорящего, обуславливающее его эмоциональное отношение к предмету и ситуации общения.

Следовательно, можно сделать следующие выводы. Эмоции непосредственно взаимосвязаны с потребностями человека, лежащими в основе мотивов его деятельности, необходимыми для освоения действительности и удовлетворение актуальных потребностей. Следует дифференцировать связь эмоций и языка со стороны чувственного содержания языка и его способности выражать/называть эмоции и чувства. Эмотивы – понятие лингвистическое, а эмоции и чувства – экстралингвистические.

Вторым этапом работы стало исследование вопроса о речевом портрете персонажа. В ходе исследования сопоставлялись различные точки зрения лингвистов на данный вопрос. Под термином речевой портрет мы понимаем воплощенную в речи языковую личность.

Анализ речевого портрета представляет собой характеристику разных уровней реализации языковой личности, в том числе и уровень эмотивности.

На третьем этапе исследования мы обратились к периодизации творчества Ф. М. Достоевского, дабы определить основные этапы его пути и отметить выбранные нами произведения в хронологии произведений писателя.

Исходя из представленного анализа, мы можем сделать вывод о том, что эмотивность составляет одну из важнейших сторон анализа речевого портрета персонажа. Проследив связь эмотивности и речи персонажа романа, мы сделали ряд заключений:

1. Стиль речи определяет использование тех или иных эмотивных форм;
2. Эмотивы, входящие в речевую характеристику персонажа, свидетельствуют о его этнокультурных, возрастных, гендерных и психологических особенностях.

3. По лексическому разнообразию эмотивов можно судить о богатом лексиконе данной языковой личности.

Ввиду сравнительного анализа репрезентации категории эмотивности в двух романах Ф. М. Достоевского разных периодов мы можем заметить, что наблюдаются явные отличия в эмотивах речи данных героев. В своём первом, раннем романе Достоевский стремился показать основы существования «бедных людей», жизнь «маленького человека» вослед традиции Гоголя. Для автора в данном случае важным является отражение внутреннего мира Макара Деушкина во всех его проявлениях. В романе «Подросток», относящимся к позднему периоду творчества, акценты изображения главного героя несомненно меняются. В образе Аркадия Долгорукого воплощается более зрелый взгляд Ф. М. Достоевского на душу человека. Мы видим здесь не невинного, бедного, умудрённого жизнью человека, вызывающего жалость к себе, а, напротив, молодого, эгоцентричного подростка, склонного к рассмотрению экзистенциальных вопросов бытия. На основе данного исследования мы смогли проследить путь автора от одного типа героя к другому, на основе репрезентации категории эмотивности увидеть изменения, произошедшие и с творчеством писателя и его героями.

Методической разработкой на основе нашего исследования является конспект урока развития речи для восьмого класса (см. Приложение).

Библиографический список

1. Danes Fr. Cognition and Emotion in the Discourse Interaction: A Preliminary Survey of the Field / Danes Fr. – Berlin: XIV International Congress of Linguists Organized under Auspices of CIPL. 1987. – 448 p. – (Preprints / the Plenary Session Papers, XIV International Congress of Linguists Organized under Auspices of CIPL; Berlin. 10–15 August 1987).
2. Арнольд И.В. Лексикография современного английского языка. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1959. 352 с.
3. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972, с. 82.
4. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979, с. 313
5. Буренина Н.В. Диалог и эмотивная функция языка // Диалог о диалоге: межвуз. сб. науч. тр. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1991. С.28–35.
6. Васильев Л.М. Теоретические проблемы лингвистики (внутреннее устройство языка как знаковой системы). Уфа: Изд-е Башк. Ун-та, 1994. 126 с.

7. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1996. 416 с.
8. Галкина-Федорук Е. М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке: сборник статей по языкознанию. М., 1958. 199 с.
9. Гончарова Т.В., Плеханова Л.П. Речевая культура личности: практикум. М.: Флинта: Наука, 2012. 240 с.
10. Гроссман Л.П. Достоевский. М., 1963, с. 156.
11. Достоевский Ф. М. Подросток. М.: Аст, 2017. 640 с.
12. Достоевский Ф.М. Бедные люди. Белые ночи. Неточка Незванова. – М.: Правда, 1981. 384 с.
13. Достоевский Ф.М. Игрок. – М.: АСТ: Астрель: Полиграфиздат, 2012. – 235 с.
14. Ильин Е. П. Эмоции и чувства. СПб.: Питер, 2001. 752 с.
15. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 2007. 317 с.
16. Карпова Ю.А. Средства выражения эмотивно-эмпатийного взаимодействия в условиях речевого общения // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. №4(16). URL:
17. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Русский речевой портрет. Фонохрестоматия. М., 1995. 128 с.
18. Красавский Н.А. Терминологическое и обиходное Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Русский речевой портрет. Фонохрестоматия. М., 1995. 128 с. обозначение эмоций /на материале русского и немецкого языков/: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1992. 17 с.
19. Леорда С.В. Речевой портрет современного студента // Вестник Саратовского ГАУ им. Н.И. Вавилова. 2006. № 6. С. 59-60.
20. Майков В.Н. Нечто о русской литературе в 1846 году // Отечественные записки, 1847, №1, С. 4-7.

21. Матвеева Г.Г. Скрытые грамматические значения и идентификация социального лица («портрета») говорящего. - дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1993. С. 87.
22. Мягкова Е.Ю. Когнитивная теория эмоций и исследование эмоциональности лексики / Е.Ю. Мягкова М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1991. 187 с.
23. Мягкова Е.Ю. Эмоциональная нагрузка слова: опыт психолингвистического исследования. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. 112 с.
24. Николаева Т. М. «Социолингвистический портрет» и методы его описания // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Доклады Всесоюзной научной конференции. Часть 2. М., 1991. С. 73-75.
25. Общая психология. Учебник для пед. ин-тов / Под ред. проф. А.В.Петровского. – М.: Просвещение, 1976. С. 405 – 421.
26. Осетрова Е.В. Речевой портрет политического деятеля: содержательные и коммуникативные основания: [Электронный ресурс]. URL: . (Дата обращения: 14.11.2018).
27. Панов М.Н. Языковая личность государственного служащего: опыт лингвометодического исследования. М., 2004. 323 с.
28. Ревенко И. В. Способы репрезентации эмотивности в художественном тексте (на материале повести В. П. Астафьева «Пастух и пастушка») // Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева. 2016. №2. С. 179 – 186.
29. Ревенко И.В. Комплекс признаков семантической категории «интенсивность» // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2013. № 2. С. 200 – 206.
30. Сидоров П.И., Парняков А.В. Введение в клиническую психологию: Т. I.: Учебник для студентов медицинских вузов. – М.: Академический Проект, Екатеринбург: Деловая книга, 2000. 779 с.

31. Тарасенко Т. П. Языковая личность старшеклассника в аспекте ее речевых реализаций (на материале данных ассоциативного эксперимента и социолекта школьников Краснодара): автореф. дис. канд. филол. наук // Краснодар, 2007. 26 с.
32. Ф. М. Достоевский. Собрание сочинений в 15-ти томах. Л., Наука, 1989. Том 4, 769 с.
33. Харченко В.К. Экспрессивность, эмоциональность, оценочность и образность как категории лингвостилистики // Стили языка и стили речи как явление функционально-речевой дифференциации : материалы докл. Орджоникидзе, 1983.
34. Чурилина Л. Н. «Языковая личность» в художественном тексте. М., 2006. 240 с.
35. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: Монография. – М.: Гнозис, 2008. 416 с.
36. Шаховский В.И. Эмотивная семантика слова как коммуникативная сущность. Сб.: Коммуникативные аспекты значения. – Волгоград: Волгр. пед. ин-т, 1990. С. 3 – 4.
37. Шаховский В.И., Сорокин Ю.А., Томашева И.В. Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы (межкультурное понимание и лингвоэкология). Волгоград: Перемена, 1998. 149 с.
38. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. 190 с.
39. Шаховский В. И. Типы эмотивной лексики / В. И. Шаховский // Вопросы языкознания. 2004. № 1. С. 39-47.
40. Шевченко О.А. Проблема категории эмотивности в лингвистике: учеб. пособие / Перм. гос. техн. ун-т. Пермь, 2006. 55 с.

Приложение

Тема урока: «Эмоционально-экспрессивная лексика»

Класс: 8-ой

Тип урока: урок развития речи.

Оборудование: презентация, раздаточный материал.

Время проведения урока: 45 минут.

Цели урока

1. Познавательные: расширить уже известные ученикам сведения об экспрессивной лексике; дополнить знания о речевом этикете и повышении речевой культуры; провести наблюдения над функциями экспрессивных выражений в художественной речи.

2. Воспитательные: воспитывать умение учащихся внимательно слушать и слышать друг друга, уважать чужое мнение; поддерживать дух

толерантности, принимая другие точки зрения.

3. *Развивающие*: развивать критическое мышление через чтение информационного и художественного текстов; логическое мышление, языковое чутьё, способность чувствовать красоту языка; умение работать индивидуально и в группе.

Ход урока

1. *Организационный момент* (приветствие, переключка, определение целей урока вместе с учениками).

2. *Этап вызова.*

Задание № 1 (текст на слайде): выпишите из предложений 1-6 слова с суффиксами субъективной оценки.

(1) Сердце мальчика облилось жалостью и болью. (2) Забыв обдуманное, он опустился на колени перед кроватью и стал убеждать, мягко, ласково: (3) – Вот ваши карточки, бабаня... (4) В синем платочке, да? (5) Это ваши, вы обронили, а я поднял. (6) Вот видите, возьмите, – настойчиво повторял он (Б. Екимов).

Ответ: бабаня, платочек.

Учитель: – Ребята, какие суффиксы придают эмоциональную окрашенность данным словам? (ответы учеников).

3. *Этап освоения нового материала.*

Задание № 2.

Учитель: – Что вы знаете об эмоционально-экспрессивной лексике? Я предлагаю вам определить основные особенности ЭЭЛ и записать свои формулировки в тетрадь. Когда будете готовы, можете обмениваться информацией со своим соседом и обсудить ваши варианты.

Схема работы на стадии вызова

Деятельность преподавателя	Деятельность студентов	Результат
<p>1. Всю информацию ученики записывают в тетрадь в столбик.</p> <p><i>(Учитель формулирует задание, но не участвует в процессе припоминания информации).</i></p>	<p>Работают индивидуально, составляя список.</p>	<p>У каждого в тетради появляется первичный материал, с которым дальше предстоит работать.</p> <p>Данный этап – самостоятельное определение первичного уровня собственных знаний.</p>
<p>Ученики объединяются в пары и обсуждают свои списки. Информацию, с которой согласны оба, оставляют, с которой кто-то не согласен, отмечают знаком «?»</p> <p><i>Учитель предполагает, что в ходе обсуждения учащиеся могли бы коснуться следующих вопросов:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> • особенность ЭЭЛ; • образование ЭЭЛ; • что такое экспрессия; 	<p>Работают в парах, составляя общий список, обсуждают информацию, вызвавшую затруднения и сомнения, маркируют спорную информацию.</p>	<p>Во время парной работы происходит приращение знаний, начальная проверка их на подлинность.</p> <p>Парная работа способствует развитию толерантности, умения прислушиваться к мнению партнёра; формированию лингвистической грамотности.</p>

<ul style="list-style-type: none"> • употребление ЭЭЛ и роль интонации; • в каких стилях употребляется ЭЭЛ. <p><i>(Учитель формулирует задание, записывает на доске вопросы, оставляя место для последующей записи собранной информации)</i></p>		
<p>Учитель: – Давайте составим на доске общий список наших знаний и предположений. Кто имеет возражения – выскажите свою точку зрения.</p> <p>Под предложенными вопросами записываются ответы из списков учеников. Если предположение вызывает сомнение, то ставится знак «?»</p>	<p>Несколько пар представляют свои списки, остальные дополняют его.</p>	<p>На доске появляется коллективный образ «ЭЭЛ».</p> <p>Знак «?» – спорная информация. Необходимо найти ответы на эти вопросы.</p>

Задание № 3.

Учитель: – Теперь, ребята, давайте обратимся к тексту, раскрывающему основные особенности эмотивной лексики и определим, что в нашем списке черт ЭЭЛ отражено верно, а чего не хватает.

«Эмоциональные слова – основанные на чувствах, вызываемые эмоциями. Экспрессия – это способность слова выражать чувства. Эмоционально-

окрашенные слова выражают оттенки уменьшительно-ласкательного и увеличительно-уничижительного значений. Эти оттенки создаются при помощи суффиксов субъективной оценки. К ним относятся такие суффиксы как -оньк , - еньк, -ек, -ик, - очк, - ышк , - енк, -ищ, -ок,-ечк и другие. (*Внученька, сыночек, солнышко, работёнка, мужичина, старичок, шапчонка и т. д.*) Такие слова не только называют предметы и признаки, но и выражают определённые эмоции – ласку, нежность, пренебрежение, презрение .

Экспрессивные слова – это выразительные слова, которые кроме основного лексического значения несут в себе дополнительную оценку, отношение к предмету или явлению действительности. Экспрессия может создаваться с помощью разнообразных суффиксов: -ач, -як, -ыш, - юг, -аст (*лихач, остряк, глупыш, зверюга, горластый*). Но чаще всего экспрессия заложена в самом слове: *великолепно, уминать, соня*.

Экспрессивная оценка бывает положительной и отрицательной (*изумительный, прекрасный и омерзительный, пугающий*).

Большое значение для определения эмоционально-экспрессивной окраски имеет интонация. *Н/пр. Лучезарный – интонация торжественности, трепло – интонация презрения*. Эмоционально-экспрессивная лексика неуместна в официально деловом и научном стилях т. к. для этих стилей характерна точность, конкретность, отсутствие эмоций и субъективной оценки»

Учитель: – Вы прочитали текст. Скажите, помог ли он вам прояснить информацию об ЭЭЛ? (ответы учеников)

4. Этап закрепления нового материала.

Задание № 4. Проанализировать фрагменты текста романа Ф. М. Достоевского «Бедные люди». Задачи:

- 1) выделить в них слова эмоционально-экспрессивной лексики;

- 2) определить особенности их употребления;
- 3) отметить суффиксы субъективной оценки;
- 4) выразительно прочитать фрагмент с учётом роли интонации в создании экспрессии текста;
- 5) определить жанр текста.

На каждый ряд всем ученикам учитель раздаёт 3 фрагмента текста. Сначала учащиеся работают самостоятельно, потом обсуждают задание в группе и выбирают того, кто выразительно читает текст.

Фрагменты текста:

А) Голубчик мой, Варенька!

Посылаю вам винограду немного, душечка; для выздоравливающей это, говорят, хорошо, да и доктор рекомендует для утоления жажды, так только единственно для жажды. Вам розанчиков намедни захотелось, маточка; так вот я вам их теперь посылаю. Есть ли у вас аппетит, душечка? — вот что главное. Впрочем, слава богу, что всё прошло и кончилось и что несчастья наши тоже совершенно оканчиваются. Воздадим благодарение небу! А что до книжек касается, то достать покамест нигде не могу. Есть тут, говорят, хорошая книжка одна и весьма высоким слогом написанная; говорят, что хороша, я сам не читал, а здесь очень хвалят. Я просил ее для себя; обещались препроводить. Только будете ли вы-то читать? Вы у меня на этот счет привередница; трудно угодить на ваш вкус, уж я вас знаю, голубчик вы мой; вам, верно, всё стихотворство надобно, воздыханий, амуров, — ну, и стихов достану, всего достану; там есть тетрадка одна переписанная.

Б) Я-то живу хорошо. Вы, маточка, обо мне не беспокойтесь, пожалуйста. А что Федора вам насаждала на меня, так всё это вздор; вы ей скажите, что она налгала, непременно скажите ей, сплетнице!.. Я нового вицмундира совсем не продавал. Да и зачем, сами рассудите, зачем продавать? Вот, говорят, мне сорок рублей серебром награждения выходит, так зачем же

продавать? Вы, маточка, не беспокойтесь; она мнительна, Федора-то, она мнительна. Заживем мы, голубчик мой! Только вы-то, ангельчик, выздоравливайте, ради бога, выздоравливайте, на огорчите старика. Кто это говорит вам, что я похудел? Клевета, опять клевета! Здоровехонек и растолстел так, что самому опять становится совестно, сыт и доволен по горло; вот только бы вы-то выздоравливали! Ну, прощайте, мой ангельчик; целую все ваши пальчики и пребываю вашим вечным, неизменным другом

Макаром Девушкиным.

В) P. S. Ах, душенька моя, что это вы опять в самом деле стали писать?.. о чем вы блажите-то! да как же мне ходить к вам так часто, маточка, как? я вас спрашиваю. Разве темнотою ночью пользуюсь; да вот теперь и ночей-то почти не бывает: время такое. Я и то, маточка моя, ангельчик, вас почти совсем не покидал во всё время болезни вашей, во время беспамятства-то вашего; но и тут я и сам уж не знаю, как я все эти дела обделывал; да и то потом перестал ходить; ибо любопытствовать и расспрашивать начали. Здесь уж и без того сплетня заплелась какая-то. Я на Терезу надеюсь; она не болтлива; но всё же, сами рассудите вы, маточка, каково это будет, когда они всё узнаю про нас? Что-то они подумаю и что они скажут тогда? Так вот вы скрепите сердечко, маточка, да переждите до выздоровления; а мы потом уж так, вне дома, где-нибудь рандеву дадим.

5. Заключительный этап.

Учитель: – Итак, ребята, сегодня мы с вами познакомились с эмоционально-экспрессивной лексикой. Я предлагаю вам отразить свои впечатления от урока в небольшой анкете.

Анкета рефлексии:

Поставьте от 1 до 5 баллов рядом с утверждением, в зависимости от вашего согласия или несогласия с утверждением.

- Этот урок я провёл продуктивно _____

- Тема урока была для меня познавательной _____
- Я усвоил большую часть материала _____
- На уроке я чувствовал себя комфортно _____

Домашнее задание: написать сочинение по выбору:

1. «Использование эмоционально-экспрессивной лексики в общении моей семьи»;

2. «Влияние эмоционально-экспрессивной лексики на восприятие текста» (с примерами из художественной или публицистической литературы).